

Евгений Замятин и культура XX века

Исследования и публикации

Санкт-Петербург
2002

**К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ
РОМАНА «МЫ» И СТАТЬИ «РАЙ» Е. И. ЗАМЯТИНА
(«конспекты» апокрифов А. Ремизова:
топография ада и рая)**

В статье 1921 г. «Рай» Замятин отмечал: «Мы несомненно живем в эпоху космическую — создания новой земли и нового неба»¹. Как известно, целый ряд футурологических концепций социалистических учений и, в частности, марксизма, базировался на библейских, и, в том числе, христианских космогонических и эсхатологических представлениях, зафиксированных в Священном Писании и Предании, а также в отреченной литературе — апокрифах. Так, в марксистских книгах социальные и экономические законы объявлялись абсолютной истиной, а их знание — приоритетом одной партии. Ее вожди становились, таким образом, «пророками», а их соратники — пламенными «борцами за веру». В изложении партийных теоретиков процесс общественного развития приобретал эсхатологические черты, когда вслед за апокалипсическим разрушением «до основанья» «старого мира» наступало преображение — возникновение «нашего, нового мира» — «возвращенного рая». *Factum notorium*, что первой широкомасштабной «репетицией» материализации социальной утопии на русской почве была революция 1905 г. Среди литературных откликов на нее одним из наиболее непривычных, но внутренне адекватных увиденному был отклик А. Ремизова. Писатель, к тому времени уже отошедший от былых марксистских убеждений, отозвался на события революции созданием цикла произведений, основанных на апокрифических сказаниях. Они составили сборник *авторских апокрифов «Лимонарь»* (1907). По сути это было целостное произведение особого синтетического жанра-ансамбля, отдельные составляющие которого были, одновременно, составными частями единого «лирического сюжета». Через произведения малых прозаических форм, тяготеющих к притче, Ремизов раскрывал общий смысл «Лимонаря» как своеобразной антиутопии о пришествии «безумной плясавицы» — революционной бури, которая принесла не чаемые Воскресение и Преображение мира, а только хаос и страдания. В молодости и Ремизов, и Замятин участвовали в революционном движении. Каждый из них, естественно, следовал своему пути духовного развития, но к 1917 г. оба пришли к во многом сходным выводам о природе материализующейся революционной утопии.

Периодом наиболее тесного дружеского и идейно-эстетического общения Е. И. Замятина и А. М. Ремизова были 1917—1921 гг.², когда писатели стали очевидцами нового эксперимента по претворению в реальность социалистической утопии. Оба литератора откликнулись на наблюдаемую ими попытку космогонического переустройства мироздания — строительства «большевистского рая». Наиболее полемически-заостренными были их эстетические «ответы», представленные в романе — антиутопии Замятина «Мы» и в литературной игре Ремизова — утопии Обезьяньей Великой и Вольной Палаты. Тесная взаимосвязь этих эстетических явлений была проанализирована нами ранее.³ Однако за пределами исследования остались общие философские и религиозные источники обеих утопий.

В основе моделей социума, подвергаемых сомнению и в произведении Замятина, и в «теоретических манифестах» и «практике» Обезвельволпала лежало представление о предустановленном порядке, иерархии, ассоциировавшихся с философской категорией «несвободы». При этом оба писателя обращались к библейской, как канонической, так и апокрифической традиции истолкования смысла Божественного порядка, которому противостояли нарушающие его демонические силы.

К 1917 г. Ремизов был одним из признанных мастеров новой литературы, интерпретирующих апокрифические мотивы и сюжеты в своих произведениях. При этом его сборник «Лимонарь» считался и литераторами, и медиавистами образцом художественного «прочтения» текстов отреченной литературы. Как свидетельствуют источники, этот ремизовский сборник был хорошо известен Замятину, который обращался к нему неоднократно. Так, в работах «Инструментовка», «О ритме в прозе» писатель, размышляя о природе современной художественной прозы, постоянно приводил примеры из «Лимонаря»⁴. Ремизовский сборник авторских апокрифов был существенен для Замятина не только с точки зрения художественного языка, но и своей художественной концепцией, основанной на переосмыслении и актуализации смысла древних отреченных сказаний. Создавая роман «Мы», Замятин учитывал художественный опыт Ремизова. Органичной частью его произведения стали включенные в художественную структуру текста *авторские апокрифы*, среди которых одно из первых мест заняла *легенда о рае*, явившаяся также основой одноименной статьи.

Для дальнейшего раскрытия глубинных связей между ремизовскими и замятинскими опытами по созданию *авторских апокрифов* представляет интерес существование черновых материалов Ремизова, позволяющих приоткрыть завесу над первоначальным этапом его работы над текстами отреченной литературы. Это уникальный источник — конволют ремизовских «конспектов», сохранившийся в архиве писателя в РНБ⁵. Он состоит из подборки

«законспектированных» апокрифических текстов, находящейся на частично склеенных вместе однотипных листах из тетради в линейку, форматом in folio. Основа «конспектов» — публикации подлинных текстов древних источников, а также изложения их содержания, данные в научных исследованиях. Ремизовские записи не датированы. На основании анализа характера почерка, сорта бумаги, а также косвенных данных (контекста ремизовского творчества), «конспекты» можно условно датировать периодом с середины 1900-х гг. до 1921 г. Подобный временной разброс объясняется многослойностью составных частей конволюта. Ранние «конспекты» впоследствии подвергались правке, дополнялись и вновь использовались писателем. Дальнейшие изменения носят характер уточнений, разъяснений, а иногда вторичных «пересказов» уже «законспектированного» текста.

Называние данных материалов «конспектами» условно. По сути это — ремизовские интерпретации извлеченных из текстов разных апокрифов космогонических и эсхатологических моделей универсума. Часть из них — словесные «аннотированные» планы. Другие, и это большая часть «конспектов», являются графическими рисунками. При этом каждая из моделей универсума представлена как система словесных или пластических образов, которые сопровождаются пояснительными надписями — цитатами или аналитическими авторскими маргиналиями.

На основе графического анализа текстов и рисунков, составивших конволют, можно с определенной степенью условности реконструировать последовательность его образования.

Первоначальные тексты написаны мелким почерком, чаще всего сначала — чернилами (иногда — карандашом, затем обведенным чернилами). Они имеют заголовки, выполненные красными чернилами. Столь же «мелкотно» и с помощью тех же материалов выполнены и графические изображения. Впоследствии, при новом обращении писателя к этим материалам, они дополнялись карандашными маргиналиями и схождениями.

Надо учитывать, что на последнем этапе формирования конволюта, вероятно, из-за расклейки составлявших его листов, порядок размещения текстов и изображений внутри его был перепутан. В дальнейшем эта ошибка была закреплена при архивной нумерации комплекса как целостной единицы хранения. Перечень «конспектов» в порядке временной последовательности их создания таков (в кавычках приводятся авторские, зачастую неточные названия источников):

1. «Видение Исаи XII в. (написа<но> во II в.⁶)» (л. 2) ⁷

2. «А. Алмазов. Тайная исповедь в православн<ой> восточн<ой> церкв<и>. Одес<са>, 1894. I, II, III) ⁸ (л. 3)

3. «Видение Козьмы мниха < // > А. И. Яцимирский, К истор<ни> апокриф<ов> 1909 к<нига> III, стр. 147—156» (л. 5)⁹ На этом же листе первоначальный краткий пересказ Ремизовым «Хождения Богородицы по мукам» и «Эпистолии о Неделе»¹⁰ (л. 5)

4. «1) Слово о святом Аврааме, егда явился ему архистратиг Михаил XVIII в.¹¹ 2) Смерть Авраама XVI в.¹² 3) о <смерти Авраама> XVII в.» (л. 19)

5. «Видение ап<остола> Павла XVI в. // Слово о эпистолии к<онца> XVII в. // Хождение ап<остола> Павла по мукам XV < // > Шенелевич. Апокрифич<еское> «Видение св. Павла». ч<асть> I Хар<ьков> 1891. ч<асть> II <Харьков> 1892 // Пр<офессор> И. Я. Порфирьев. Апокриф<ические> сказ<ания> о новозавет<ных> лиц<ах> и событ<иях>. 1890. СПб.» (л. 6)

6. «Ал. Веселовский. Данте и символическая поэзия католичества // В<естник> Е<вропы> 1866 XII; Сахаров. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи Тула 1879» (л. 7) На л. 7 «конспекты»: «Рассказ Платона о Ире Памфилийском (Платон. Политика или Государство пер. Карпова т. III. 514 ст.); («Путешествие св. Брандана» Ирландия); (Легенда о св. Карпе); (Видение Тундала); «О Иуде женившемся на матери и убившем отца. См. 21 стр.»¹³. На л. 8 — заглавие: «А. Весел<овский>. Данте и символич<еская> поэзия католич<ества> В<естник> Е<вропы> 1866. IV.» «Низший ад — [поздняя карандашная пометка А. Р. — А. Г.]» (л. 7—8).

7. «Веселовск<ий>, Опыт по истории развития христианск<ой> легенды // Ж<урнал> М<инистерства> Н<ародного> П<росвещения> <18>77 г. CLXXXIX» (л. 9—9 об.)¹⁴.

8. [«Хождение Богородицы по мукам» — планы на отдельных листках в 4-ку и в 8-ку]: «полунощь» (л. 15 об.); «полудень» (л. 17); [над планом пометка А. Р. — цитата из «Хождения» — А. Г.]: «Лучше было бы человеку не родиться»; «левая часть ада» (л. 16)

9. «Слово Палладия мниха «О втором пришествии Христове, о страшном суде и будущей муке» напечатано в Иосифовском сборнике 1647 г.» (л. 18 об.)¹⁵.

10. «Слово Пресвятыя Богородицы велми душеполезно о покои всего мира XII в.» (начато чернилами, затем дописано карандашом на чистых оборотных листах и свободных местах уже заполненных листов) (л. 4—4 об., 3 об., 5 об., 6 об., 8 об., 7 об., 5, 3, 13 об.)¹⁶

Центральное место в ремизовском конволюте занимает «конспект» апокрифа «Хождение Богородицы по мукам». Писатель неоднократно обращался к этому тексту, о чем свидетельствуют несколько хронологических пластов работы над ним

Первоначально Ремизов составил планы, систематизирующие последовательность расположения мук, увиденных Богородицей в левой («полудень») (л. 16, 17) и правой («полуночь», л. 15) частях ада. Так например, в плане раздела «полуночь» лист разграфлен на две части. Слева под номерами перечислены «объекты» («огненное облако», «стол<п>ы огненные», «железное дерево» и т.д.) и «субъекты» ада («черви», «змий трехглавый крылатый» и т.п.). Справа — те, кто в данном месте мучится и каким именно образом (например, «служитель церкви, язык запекается от жара // не может ни вздохнуть // ни сказать «Господи помилуй!»»; «ученый, знавший священное писание, не уверовал в него, творил блуд и беззаконие» и т.п.). Продолжением аккумуляции символики «Хождения» художественным сознанием писателя является выполненный на трех склеенных вместе листах (л. 11—13) рисунок мучений грешников, начатый чернилами (л. 11—12) и дополненный простым карандашом. Дальнейшим этапом освоения этого апокрифа был его подробный конспект (см. вышеприведенный Список, № 10). Переписывая текст источника, Ремизов раскрывал драматическую основу повествования, превращая текст в «действие» — систему диалогов персонажей. Наконец, к последнему этапу работы над текстом «Хождения» относится правка, нанесенная на ранний рисунок адских мучений (на л. 11—13). Она состояла в выделении красным карандашом отдельных концептуально значимых «эпизодов» рисунка и внесении помет — «проб пера», сделанных зеленым, черным и синим карандашами. Как показал графологический анализ этой рукописи, опирающийся на данные графического творчества Ремизова 1917—1921 гг., подобные пометы цветными карандашами можно отнести к этому времени. Они фиксируют завершающий период обращения писателя к своим словесно-графическим «конспектам» эсхатологических видений.

На л. 18 находится выполненный карандашом рисунок небесных пространств и нумерованный параллельный перечень грехов, за которые люди претерпевают мытарства:

«21. немилосердия и жестокосердия	20. скупость и немилосердие
20. блуда	19. блуд
19. татьбы	18. татьба, крадания
18. разбойства	17. убийство
17. любод<ся>ния	16. прелюбодеяние
16. мужеложства	
15. идолослужения	15. ереси и веры (в стрелу, в чох, в полаз, в птичий грай, ворожи и еже басни бают и в гусли гудят)
14. объядения и чревоугодия	14. объядения и раннего ядения и пития
13. обаяние	13. чародейства и волхвования

12. злопомнения
 11. пьянства
 10. сребролюбия
 9. неправды и тщеславия
 8. лихвы и лести
 7. празднословия и сквернословия
 6. гордости
 5. гнева
 4. лжи
 3. зависти
 2. поругания
 1. оклеветания
- мьтарства

12. злопоминания
11. пьянства и запойства
10. длатолюбия и сребролюбия
9. тщеславия
8. рѣзонимание и ограбление
7. срамословия и плясания
6. гордыни
5. ярости и гневом
4. гнева
3. зависти
2. оклеветание
1. оболгание (лжи)

(Житие Вас<или> Нова<го>) (Слово о небесных силах Авраамия Смоленского)» (л. 18)¹⁷

Анализ ремизовских «конспектов», рассмотренных в порядке хронологии их создания, позволяет говорить о том, что такое изучение апокрифов было предварительной работой сначала для сборника «Лимонарь», а затем для дальнейших произведений, связанных с отреченной литературой. Большая часть законспектированных текстов была использована для подготовки второго, дополненного издания «Лимонаря» (СПб., 1912). Эти «конспекты» выполнены чернилами, мелким почерком.

При помощи графических рисунков Ремизов наглядно представил потустороннюю географию и особенности бытия обитателей ада ирая.

Характерный пример — его «конспект» «Видения Исаии» (л. 2). Ремизовский автограф имеет три временных слоя. Первоначальный «текст» написан чернилами в 1900-е гг., позднее (в 1910-е) дополнен карандашными пометами, и вновь «перечитан» в 1917—1921 гг. — во время, определяемое пометой под текстом: «3. Князь обезьяний и кавалер 3. Гр <жебин>» (л. 2).

В «Видении Исаии» Ремизов представил космическую иерархию в виде графического чертежа, изображающего систему космических сфер, каждая из которых состоит из рисунков — «портретов» ее обитателей и властителей. Так «твердь», окруженная «воздухом», является обиталищем и, соответственно, местом владычества «Саммаиила (Сатаны)» и сил его. Изображения Сатаны и его присных сопровождаются надписями, сделанными чернилами. Поздняя карандашная приписка: «деяние Сатаны — мир весь». Далее на рисунке представлено ярусное изображение пяти нижних и двух верхних небес с их обитателями. Авторские пометы — характеристика их образно-звукового состояния. Например, первое небо: «поют едином гласом», второе небо — «громче пение», третье — «громче сих», «пирамида» небес завершается символическим изображением Троицы. Справа внизу от «небесного чертежа»

отдельные заметки Ремизова — главным образом, краткие цитаты из источника и авторские маргиналии. Например: «Как может быть, что можно понимать то, что не имеет никакого имени? (на 3 небе вопре<ос> Исаи)», «Х<рист>ос избежит от ангела Смерти. Сопествие Х<рист>a на землю будет скрыто // от небес, не узнают кто Он // После воскресения жил 545 дн<ей> «приобщиться древа» // Надежду возложить на крест // в жизни его не исполнилось // на 7 небе все известно, что прои<зойдет?> в м<ире>» (л. 2). Анализ помет показывает, как шло формирование ремизовского мифологического представления о неудавшемся крестном подвиге Христа — о крахе мечты освободить своей смертью «твердь» от власти Сатаны. Позднейшие карандашные пометы имеют характер заметок, сопровождающих новое чтение источника. Ремизов вновь обратился к «Видению Исаи», имея на руках графический «конспект» апокрифа. По почерку эти пометы относятся к 1917—1921 гг. Они «уточняют» особенность визионерства Исаи, например: «погружен в небесное видение», «видение от мира сокровенного»; дают характеристику обитателям «тверди» (людям) и их жизни.

Центральным аналитическим «конспектом» конволота является расположенный на л. 10 рисунок, изображающий модель мироздания во время свершения Страшного Суда. В нем соединены образы и эпизоды разных источников — «Видения Исаи», «Видения Григория», «Хождения Богородицы по мукам» и др. Это — позднейший рисунок (вероятно, 1917—1921 гг.), как бы суммирующий уже написанные и воспринятые художественным сознанием тексты. На обороте листа (л. 10 об.) помета:

«о мытарствах Антоний Великий» 17 I

Иоанн Милостивый» 29 X

жизн<ие> Василия» Нов<ого> 12 XI

(† 944)26 III

1) Наилучшие сердца пожелания дню ангела // Пупкин // 2) Стихи пиши Поздравление?> с днем ангела // Это если бог?> может написать // облак поднял их и вознес на безмерную высоту» (л. 10 об.). Подобный тип пометы, в которой эсхатологическая тематика сочетается с фиксацией мещанского просторечия, характерен для творческих рукописей времени революции 1917 г.

Заключает конволот ремизовский текст, озаглавленный «Бесь»¹⁸, записанный на отдельных листах формата in folio. Рукопись не датирована, по характеру почерка ее можно отнести ко второй половине 1910-х гг. Вероятно, она была включена в подборку «конспектов» самим автором. Текст — черновая редакция ремизовского произведения — основан на мотивах, заимствованных из целого ряда приведенных выше эсхатологических сочинений, и логично замыкает предшествовавшие ему записи апокалипсических видений, «законспектированных» Ремизовым. Приведем этот текст полностью:

БЕСЫ

Пришли бесы с

- 1) озера огненного, где души вшедшие [никогда] никак не прохладятся и выйти не могут
— с пути в ад
- 2) из тьмы, полной дыма
- 3) из земли забвения (забытия), где души вшедшие погибают, никогда не поминаемы Богом
- 4) из тартара — из вечного мучения, где во все часы плач и скрежет зубом и студен моты
- 5) — гены — из вечного огня, из адского, перед силой которым [так! — А. 1:] наш огонь — тень
- 6) — кребуса от драконов и змия, где полно огненных драконов, и червей, к<отор>ые никогда не умирают
- 7) — вараума от черного Зинутя ¹⁹, где издревле сидят души.
- 8) — бламтостимча из безвеселия вечного
- 9) — ахеронта из печи огненной
- 10) — флагитона от смолы и серы горячей и [от] где так студено, что всякую адскую горячину [пер] обращает в лед
- 11) с 1-ого неба, что между землей и луной воздушная луковь [1 сл. нрзб.].
- 12) длинные и голенастые, как журавли ²⁰
- 13) бесы — пятки вперед обращены и пальцы на каждой руке и ноге ²¹ по восемнадц<ати>, а головы песьи и ногти очень остр<ы> и лают как псы
- 14) одноокие
- 15) имеют одну ногу, а рыщут так быстро, как птица ²², а сядет где, полевывает своєю ногой
- 16) без голов, глаза стоят в плечах, а вместо уст и носа имеют 2 дыры на груди
- 17) плавающие по морю и пожирающие люди
- 18) вид осла, копыты к<a>к у коня и 2 рога, голени как вол, рот до ушей, а вместо зубов кость, голос же человеческий
- 19) 2 уха длиною с сажень и когти с кем захочет бороть<ся>, [сложит по] распрострет одно ухо по хребту, а другим борется храбро на воде и на земли
- 20) грудь к<a>к у дикий вепря, уста от уха до уха. Никто не может победить
- 21) голова, к<a>к у человека, а тело львово, голос птичий, полохлив
- 22) с виду лисица и один <r> светел, как корбункул камень, сечет, как меч
- 23) червь, а две руки длиной в саж<ень>, слона поймав влечет в воду
- 24) блещут, как свечи горят
- 25) синьцы (эфиопы)

26) уныл и брех<ли>в²³

И скрылись за горы, в бездны преисподние,
в смолу кипучую, в полючий жар» (Л. 1, 29)²⁴.

Монументальная картина шествия бесов по земле и их конечного возвращения в ад как бы завершала предшествующие ей видения Страшного Суда.

Подводя итоги анализа ремизовского конволюта, можно сделать следующие выводы. Каждый из «конспектов», как текстовой, так и графический, является подробным планом или описанием «реалий» потустороннего мира. Целью писателя была актуализация «чувственно-визуального» восприятия древних описаний, «вхождение» в потусторонние сферы, чтобы затем воспроизвести их в своих произведениях с поражающей современников «реалистичностью». Эти «конспекты» являются важным звеном в творческой работе писателя. Они подтверждают, что Ремизову изначально был присущ пластически-визуальный метод изучения, творческой аккумуляции и «имплантации» «чужого» текста в свое художественное сознание. Вместе с героями «видений» и «хождений», писатель сам «проходил» по кругам мучений, по ярусам райских небес. Он как бы следовал грустно-ироническому совету — замечанию А. Н. Веселовского: «Путешествие на небо было в средние века гораздо легче, чем теперь, нужно было только идти да идти, пока не дойдешь туда, где земля сходится с небом»²⁵.

Другой важный вывод из анализа «конспектов» уже на ранних этапах своего творчества Ремизов стремился раскрыть драматическую основу прозаического текста, чтобы актуализировать его, «транскрибировать» из прошлого в настоящее. Он как бы делал самого себя «свидетелем» диалогов ветхозаветных и новозаветных персонажей, а затем строил свой текст как сообщение очевидца события, воссозданного в первозданности всех деталей.

Ремизов неоднократно использовал свои «конспекты» апокрифов. Обобщая, можно выделить, по крайней мере, два качественно различных этапа.

Первый, состоявший из собственно конспектирования и дальнейшего применения полученных данных, относился ко времени создания двух редакций сборника «Лимонарь» (конец 1900-х — начало 1910-х гг.). Далее Ремизов обращался к этим «конспектам», как к одному из источников своих произведений 1910-х гг. (например, при работе над повестями «Крестовые сестры», «Пятая язва» и др.).

Второй значимый этап возвращения ко всему комплексу апокрифических текстов наступил в революционном 1917 г. Он отражен в дополнениях и пометах, сделанных простым и цветными карандашами. В то время конспектированные ранее эсхатологические тексты приобрели новую актуальность в контексте тогдашней российской действительности

Еще в середине 1900-х гг. у Ремизова в общих чертах сформировалось представление о историческом процессе как об особом процессе развития народной души. Ему свойственна не механическая динамика прямолинейного поступательного движения, а как бы постоянное вращение внутри системы кругов, одновременно и сходных, и отличных друг от друга. В основе подобных воззрений Ремизова лежали и философские учения нового времени (прежде всего философия Ф. Ницше), и христианские (в первую очередь — эсхатологические) представления.

На новом этапе историсофская концепция Ремизова претерпела существенные изменения. Ранее, во времена, близкие к событиям революции 1905 г., в основе его теологических воззрений лежало еретическое по своей сути представление — *авторский миф о невоскресшем Христе*. Это представление, будучи спроецированным на предопределенность исторической судьбы России и ее народа, обуславливало тупиковость пути «затворенного», «поглавого» народа. Первая редакция «Лимонаря» 1907 г. заканчивалась изображением картины тотальной победы Зла.

В 1910-е гг. безысходный пессимизм Ремизова трансформировался в осознание телеологической миссии страдания. Крестовый подвиг Христа — провиденциальный символ пути России, страны «крестовых» сестер и братьев. Ее развитие проходит по кругам очищающих ее страданий. Именно в этом для писателя заключалось «оправдание» мук народа, в этом — надежда на чаемое воскресение души России.

Подобная концепция изначально предопределила восприятие Ремизовым новой попытки насильственного создания нового мира. В дневниковой записи от 11 июня 1917 г. он отмечал: «Всегда были и есть взыскующие Града Грядущего, желавшие устройства жизни человеческой по правде, т.е. устройства царствия Божья на земле. Одни отодвигали наступление такого блаженного состояния мира к страшному суду и даже срок ставили — тысячелетие. Другие напротив, не отодвигая так неопределенно далеко, надеялись, что рано или поздно царствие Божие наступит на земле. И все это полагали в сем веке временном. // А в действительности, царствие Божие наступало на земле и не для всех, а островами. И наступление его было в зависимости от силы любви и гнева человеческого. <...> Когда услышан был призывающий голос: Время просит страдания, тогда и началось царствие Божие. // И было бы ошибочно думать, что царствие Божие это какое-то справедливейшее устройство на земле, какие-то дома и храмы и конечно отхожие места самого последнего слова. Вся сила ума человеческого направлена на то, чтобы облегчить внешние средства общения между людьми. <...> люди теряют пути к духовному общению и придуляются духовное проникновение и сила любви и гнева. И это поведет к тому, что об-

цаемость духовная естественно прекратится, и ангелы забудут пути к людям и земля провалится, как Содом и Гоморра. // Для того, чтобы наслаждаться в царствии Божием, при утонченной совести — надо не иметь совести — и вот Божия Матерь, как воплощение совести, хождение ее по мукам и есть образец того, что никогда не осуществимо царствие Божие при наших условиях на легкой земле». ²⁶

Писатель не принял ни Февральской революции, ни Октябрьского переворота. В этих событиях он видел закономерные этапы трагического слома в общем историческом развитии России. Отношение писателя к революции как таковой определилось еще в 1900-е гг. В притчевом виде оно было выражено еще в первой редакции сборника «Лимонарь». Революция представляла в символических образах вихря, переходившего в безумную бесовскую пляску, а под конец оборачивалась тотальным разрушением Божественного миропорядка. Далее он развивал свою концепцию, углубляя ее за счет постоянного чтения и творческой «аккумуляции» исторических, и главным образом, древнерусских источников.

Все происходящее с Россией в 1917 г. Ремизов изначально воспринимал в эсхатологическом контексте. В дневниковой записи от 3 сентября 1917 г. читаем: «Теперь стало ясно: Россия погибнет. Она должна искупить грехи свои. И я готов принять эту кару со всем народом русским. <...> Все ценности переоценены, а подменены. <...> Бог покарал. <...> Суд совершился. Люди не видят, как их тащат на муку. <...> И в темнице Россия задумается. Русским людям надо принять эту темницу. Но многие — силы времени сего не разумеют и от неразумия своего горько поплатятся. Терпеливо прими судьбу свою. <...> Россия будет побеждена. И русское царство затаится. <...> И русским людям одно останется — молитва. <...> Решилась Россия» (*Дневник*. С. 461—462). В записях Ремизова современность представляла сквозь сложную призму параллелей то с событиями русской истории XVII века, то с явлениями библейских «последних времен». Тема конца мира и наступающего Страшного Суда — одна из сквозных тем дневника Ремизова, пронизывающая записи и событий реальности, и сновидений.

В эти годы на основе свойственной Ремизову способности во сне заново переживать дневные события, предстающие в причудливо трансформированном виде, возник психологический феномен, зафиксированный Дневником. В снах писателя впечатления от подчас апокалипсических событий революционной действительности соединялись с воспоминаниями от пластически зримых картин эсхатологических сочинений. В результате возникали видения, по масштабу и образности сходные с видениями древних авторов. Таково, например, ремизовское сновидение, датированное мартом 1919 г.: «Сни-

лось мне <...> вижу на небе огромный ключ <...> ключа уже нет, исчез, а на его месте Б[ожья] М[атерь] такая же, как ключ, железная // — Посмотрите Б[ожья] М[атерь] теперь! // А в это время и Б[ожья] М[атерь] исчезла, а стоит Христ[ос] золотой с огромным посохом и говорит: // — Становитесь на колени, сейчас будет конец света. // И тут же [?] люди оказали[сь], стали на колени <...> Все стали на колени» (*Дневник*. С. 483). Запись подобных видений подтверждает, что средневековый символизм стал органичной частью не только художественного сознания, но и подсознания писателя.

По Ремизову, случившееся в России — проявление уже происходящего высшего Суда над русским народом. Еще 10 июня 1917 г. он записал: «Совершится дело Божие. Идет суд нечеловеческий» (*Дневник*. С. 437). Россия погружается в муку, но через страдание придет очищение, которое есть залог грядущего Воскресения.

Ощущение катастрофизма, присущее многим чутким к духу времени литераторам, у Ремизова обрело «историческую базу» в видениях и пророчествах древнерусской эсхатологической литературы. Писатель осознавал себя не только свидетелем истории, но и избранником — тем, кому, подобно древним пророкам, предназначено поведать современникам о трансцендентной сути происходящего. Так в записи от 15 сентября 1918 г. он дал оценку Брестского мира в форме эсхатологического предзнаменования, как одного из событий «последних времен»: «Заключен мир. У победителей полная сытость: хлеб и чай и благодущие. И над всем орлом [1 нрзб.] заносит бес. Нате выкусите! Вот вам плоды кровавые, вот вам [1 нрзб.] революция. Провидц[ы?] уйдут в горы. А вихрь выше поднимется. И будет кружиться, темный» (*Дневник*. С. 464).

В 1917—1921 гг. Ремизов вновь и вновь перечитывал свои многолетние «конспекты» апокрифических сочинений. «Зло и распря», «деяние Сатаны мир весь»²⁷ — приписал он в эти годы на «конспекте» «Видения Исаия». Это произведение имело особое значение для его писательского самосознания. Начав пророчествовать, Исаия «внезапу умълче и къ тому не видяше стоящихъ прѣдъ нимъ. очи же его бѣшете отвѣрствѣ. Уста же затворена. Обаче въдуновение духа бѣаше съ нимъ <...> видѣние же еже видѣ не бѣаше отъ вѣка сего. Нь отъ потаенаго отъ всякая плѣти. И егда прѣста отъ видѣния и възвратися въ ся. И повѣда»²⁸. И пока это было возможно, пока «уста» были не «затворенными», Ремизов обращался к современникам со словами утешения, предупреждения и пророчества.

Несмотря на сложную эволюцию религиозных и историософских воззрений Ремизова духовной константой для него продолжал оставаться образ Богородицы из переосмысленного им апокрифического «Хождения Богородицы по мукам». Ремизовская Богородица не оставалась в раю Господа, безраз-

личного к мучениям грешников, а возвращалась в ад — «мучиться с грешными». В «конспектах» Ремизова были равно «наглядно» представлены и небесные сферы, и глубины ада, но именно последние нашли яркое преломление в его произведениях. Райские места остались сознательно оставленными в забвении. Не случайно Ремизов приобрел скандальную славу мастера по изображению всяческой чертовщины. Рай для него был мыслим разумом, ад — страдаем сердцем.

В настоящее время невозможно точно установить, были ли ремизовские «конспекты» доступны Замятину, или же (что скорее всего) они остались черновыми материалами, к которым обращался только их создатель. Однако ремизовское знание апокрифической литературы, ее творческое переосмысление было известно Замятину и эстетически им аккумулировано. Вспомним, что в иерархии Обезвельволпала он носил имя «епископа обезьянкого Замутия». Примечательно неточное совпадение этого имени «еретика» Замятина с собственным именем из ремизовского текста «Бесь» — «Зинутий». Возможно, это косвенное доказательство знакомства писателя с ремизовским «конволютом» апокрифических текстов. Но если это — лишь гипотеза, то несомненно, что именно с Ремизовым связан один из основных замятинских апокрифов — его *легенда о рае*, отразившаяся и в романе «Мы», и в статье «Рай». «О том, что вселенная — творение старого Иалдабаофа — далека от совершенства, — об этом говорилось многое и многими. Но, кажется, никому не приходило в голову, что стержневое безвкусие вселенной — в поразительном отсутствии монизма: вода и огонь, горы и пропасти, праведники и грешники. Какая точная простота, какое было бы не омраченное ни единой мыслью счастье, если бы Он сразу <...> избавил человека от дикого состояния свободы. <...> Ведь знал же Он <...>, учреждая рай: там — только монофония, только ликование, только свет, только единоголасное *Te Deum*. <...> ошибки Иалдабаофа мы не повторим: полифонии, диссонансов — уже не будет: одно величественное, монументальное, всеобъемлющее единогласие. Иначе — какое же воплощение древней прекрасной мечты о рае?»²⁹. Та же мысль о рае как воплощении несвободы и о перволюдях, сознательно ушедших из этого царства принуждения, была развита в романе «Мы» (подглавка «Через 20 минут»). Именно эту легенду — отрывок из романа — Замятин написал в альбоме С. П. Ремизовой-Довгелло перед отъездом Ремизовых за границу³⁰.

В авторской мифологии А. Ремизова и Е. Замятина представление о рае было связано не только с темой утраты, но и с темой бесчеловечности. В этом плане «рай» Замятина восходит к тем же апокрифическим истокам, что и ремизовский миф о Богородице, оставшейся в аду с людьми, а не в раю с

Создателем. В революционные годы и древние, и новые апокрифы были одними из важных источников текстов Замятина. В процессе их создания велика роль произведений Ремизова как произведений-посредников, и исследователям еще предстоит выявить эту роль с возможной полнотой.

¹ Замятин Е. Рай // *Замятин. Соч. 1970—1988*. Т. 4. С. 524.

² Подробнее см.: Грячева А. М. Алексей Ремизов — читатель романа Е. Замятина «Мы» // *ТНЗ*. Кн. 5. С. 6—21.

³ См. примеч. 2.

⁴ См., например: *Замятин. Соч. 1970—1988*. Т. 4. С. 592, 597, 599.

⁵ ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 4—19. Далее цитируется в тексте с указанием номера листа.

⁶ Позднее карандашное дополнение к заглавию.

⁷ Текст, которым пользовался Ремизов, опубл.: Видение пророка Исаи // Тихонравов Н. С. Апокрифические сказания. СПб., 1894. С. 32—47. Далее без специальных оговорок в сносках будут указаны аналогичные источники ремизовских «конспектов». Ремизов пользовался также подробным изложением сюжета в кн.: Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879. С. 48—49. Далее: *Сахаров. Эсхатологические сочинения* с указанием страницы.

⁸ Под заглавием подзаголовок: «Воздушные мытарства».

⁹ Яцимирский А. И. Апокрифы и легенды: К истории апокрифов, легенд и ложных молитв в южнославянской письменности. VI—VIII // *Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. АН*. 1909. Т. 14. кн. 3. С. 147—156.

¹⁰ Эпистоля о недели // Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2. С. 314—322.

¹¹ Апокрифи і легенди з українських рукописів. збирав, упорядкував и пояснив Ів. Франко. У Львові, 1910. Т. IV. С. 104—108.

¹² Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. I. С. 79—90.

¹³ На основании этой пометы определяется источник ремизовских «конспектов» на л. 7: Шепелевич Л. Апокрифическое «Видение Св. Павла». Харьков, 1891. Ч. I. С. 7—24.

¹⁴ Веселовский А. Опыты по истории развития христианской легенды. II. Берта, Анастасия и Пятница. Прилож.: Об одном мотиве рождественских колядок [О Стростях Богородицы — А. Г.] // *Журн. мин-ва нар. просвещения*. 1877. Ч. CLXXXIX. № 4. С. 186—252.

¹⁵ *Сахаров. Эсхатологические сочинения*. С. 153—166.

¹⁶ Имеется в виду текст из Толстовского Сборника 1602 г. (ОР РНБ. Q. XVII. 82. Л. 45—57), опубликованный с вариантами из Сборника Троице-Сергиевой лавры XII—XIII в. (РО РГБ. Ф. 304. I. № 12): «Хождение Богородицы по мукам <...> слово велими душеполезно, о покои всего міра» // Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пылиным. СПб., 1862. <Вып. III>. С. 118—124. Также см.: *Сахаров. Эсхатологические сочинения*. С. 192—200.

¹⁷ Сравнительный список — конспект из кн.: Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Разд. I—XVII. вып. 1-6 // Сб. Отд-я рус. яз. и словесности Имп. АН. Прилож. к тт. XXXVI—LIII. СПб., 1880—1891. Разд. XII. Безразличные и обокудные в Житии Василия Нового и народной эсхатологии // Там же. С. 125—126.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 4 Л. 1. 29. Под заглавием — атрибутирующая надпись рукой неустановленного лица: «Ремизова А. М.».

¹⁹ Под словом «Зинутія» вписано: «(раскрытие)».

²⁰ Вариант: «12) из адского рва псы лают [1 сл. нрзб.]» (правка карандашом, при не зачеркнутом первоначальном варианте).

²¹ Вариант: «руках и ногах» (при не зачеркнутом первоначальном варианте).

²² Вариант: «летает» (при не зачеркнутом первоначальном варианте).

²³ На полях приписка Ремизова: «суматошные».

²⁴ Под текстом — приписка Ремизова: «избляя серу»; «один бес [1 сл. нрзб.] от умовения пьянова».

²⁵ Веселовский А. Н. Данте и символическая поэзия католичества // Вестн. Европы 1866. Т. IV. С. 188.

²⁶ Ремизов. Дневник. С. 437—438. Далее — в тексте: Дневник с указанием страницы.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 2.

²⁸ Тихонравов Н. С. Апокрифические сказания. СПб., 1894. С. 33.

²⁹ Замятин. Соч. 1970—1988. Т. 4. С. 524.

³⁰ Грачева А. М. Указ. соч. С. 21.